

Svobodová, Helena

Порождение русских побудительных предложений

In: *Otázky slovanské syntaxe. III, Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích"*, Brno 27.-30. září 1971. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1973, pp. 265-268

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120867>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПОРОЖДЕНИЕ РУССКИХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Порождение разных модально маркированных типов предложений, значит, и побудительных предложений, понимается автором в духе генеративной семантики,¹ о которой в своих выступлениях говорили Р. Ружичка, Р. Гржегорчикова, Р. Зимек и др., и которая предполагает в глубинной структуре наличие так наз. перформативных глаголов,² выражающих отношение говорящего к последующему коммуникативному содержанию. Глубинную структуру побудительных предложений представляет, следовательно, базис матричного предложения (MS), реализованный перформативным глаголом и пустой позицией, и базис конститутивного предложения (CS), где объект матричного предложения тождествен с субъектом конститутивного предложения. Напр. *Я приказываю тебе + compl, Ты верн-книг-*. Предложенческое ядро морфологически еще не оформлено, глагол в нем относительно времени и наклонения нейтрален. В процессе перехода в поверхностную структуру глаголы в MS и CS приобретают конкретную морфологическую форму. При порождении простого глагольного побудительного предложения MS исчезает и глагол CS приобретает форму императива (субъект обыкновенно не реализуется). При порождении сложного предложения с изъяснительным придаточным предложением или конструкций с полупредикативным инфинитивом, имеющих побудительное значение, MS не исчезает, и глагол приобретает форму индикатива, CS меняется в придаточное предложение с союзом *чтобы* или в полупредикативную инфинитивную конструкцию. (Особо стоят случаи прямой речи, где MS не исчезает и глагол CS имеет императивную форму.) Это значит, что предложения *Верни книгу!*, *Я приказываю тебе вернуть книгу!* и *Я приказываю тебе, чтобы ты вернул книгу!* возникли из одинаковой глубинной структуры: MS — *Я приказываю тебе + compl*, CS — *Ты верн-книг-*. MS потом в поверхностной структуре или реализуется, или не реализуется, в зависимости от чего CS приобретает ту или другую форму. Если, однако, получается несколько окончательных формальных реализаций из одной и той же глубинной структуры, то возникает вопрос о том, что способствует той или другой реализации. Это можно объяснить или как свободный выбор разных стилевых вариантов, который в глубинной структуре еще никак не предопределен, или можно предположить, что данный тип реализации программируется при помощи определенного показателя грамматической структуры уже в самом базисе. Это значит, что можно постулировать опре-

¹ James D. Mc Cawley, *The Role of Semantics in a Grammar*. In: *Universals in Linguistics Theory*, New York 1968, 124—169.

² L. D. Mc Cawley, *op. cit.*, 155.

деленный оператор, предопределяющий, хочет ли говорящий образовать из многобазисной глубинной структуры простое или сложное высказывание. Альтернативность касается прежде всего эксплицитности или неэксплицитности выражения перформативного глагола. Сигнал неэксплицитного выражения вызывает эллипсис перформативного глагола. Аналогичную, до сих пор окончательно не решенную проблему нескольких окончательных формальных реализаций одной глубинной структуры, представляет собой вопрос, почему из одной двухбазисной основы можно порождать как сложносочиненное предложение, так и сложноподчиненное предложение или конструкции с инкорпорированным (вставочным) полупредикативным оборотом. Следовательно, автор не предполагает в глубинной структуре CS наличие еще какого-либо другого модального значения (так наз. волюнтаривный элемент, напр. *должен, не должен, хочу* ...), как это делает М. Кубик в своем трансформационном синтаксисе.³ Наличие только перформативного глагола достаточно как для порождения простых побудительных предложений, так и зависимых изъяснительных предложений в сложносочиненном предложении, или конструкций с полупредикативным инфинитивом, имеющих побудительное значение.

Следующую проблему представляет собой конкретное значение перформативного глагола в глубинном показателе. Оно зависит прежде всего от степени императивности данного побудительного предложения, обусловленной конкретной побудительной ситуацией. Напр., в базе побудительного предложения, выражающего просьбу, находится перформативный глагол *просить, попросить*, мольбу — *умолять*, убеждение — *убеждать*, совет — *советовать, рекомендовать*, предложение — *предлагать*, приказ — *приказывать, велеть*, запрещение — *запрещать*, команду — *велеть* и т. д.

Употребление того или другого перформативного глагола зависит, кроме того, от самого приказываемого действия. К осуществлению некоторых действий можно в зависимости от ситуации побуждать адресата при помощи разных перформативных глаголов. Напр. *Читайте!, Рассказывайте!* — говорящий может просить, умолять, убеждать, приказывать и т. д. Существуют, однако, и действия с ограниченными возможностями употребления перформативного глагола. Напр. такие предложения, как *Извините!, Простите!, Разрешите!* предполагают только перформативный глагол, выражающий просьбу, в то время как напр. предложение *Равняйся!* предполагает только перформативный глагол, выражающий команду, и т. д. Их, однако, встречается гораздо меньше.

Можно сказать, что существует известная зависимость между употреблением того или другого перформативного глагола и определенной формальной конструкцией побудительного предложения. Напр., после перформативного глагола *приказать* чаще всего встречается форма повелительного наклонения или инфинитива (напр. *Молчи!, Молчать!*), после перформативных глаголов *советовать, рекомендовать* форма сослагательного наклонения или инфинитива с частицей *бы* (напр. *Вы бы лечились!, Вам бы лечиться!*), после перформативного глагола *предлагать* форма совместного действия (напр. *Пойдем!, Пошли!*), так как если говорящий что-нибудь предлагает, он обыкновенно и сам принимает в этом участие, и т. д. В большин-

³ М. Кубик, *Трансформационный синтаксис русского языка*, Прага 1970, 50 сл.

стве вышеприведенных примеров может, однако, встречаться также повелительное наклонение, но оно менее типично, так что здесь действительно можно говорить о взаимосвязи появления определенного перформативного глагола и соответствующей конструкции побудительного предложения.

Более сложными оказываются случаи, когда появлению одного перформативного глагола в глубинной структуре соответствует в поверхностной структуре несколько формальных реализаций побудительного предложения. Напр., после перформативного глагола *приказывать* могут существовать следующие формы глагола *молчать*: *Молчи!*, *Молчать!*, *Будешь молчать!*, *Замолчишь?!* Ср. другие примеры параллельных конструкций: *Сиди и молчи!*, *Каждый сидит и молчит!*, *Так уж сяду и молчу!*, или *Иди Иди Пошел вон!* и др. Мы видим, что один только перформативный глагол не способен вполне повлиять на выбор той или другой конструкции в поверхностной структуре и что здесь, очевидно, действует еще какой-то другой показатель. Автор предполагает, что этим показателем является определенное субъективное отношение говорящего к высказываемому содержанию, принадлежащее к области субъективной модальности (в понимании Н. Ю. Шведовой),⁴ в совокупности с эмоциональным отношением говорящего к данному содержанию. Этот подход частично наметил В. Грабе,⁵ когда он отличает, напр., приказ умеренный от эмоционального и категорического и т. д. Это отражается не только в выборе определенной конструкции, но и в употреблении разных модальных слов, частиц или междометий и других средств, ослабляющих или усиливающих императивность данного предложения. Следовало бы обратить внимание также на возможность сочетаемости разных оттенков приказа с модальными и оценочными наречиями, напр. *Обязательно приходи!*, *Лучше скажи!* и т. д.

Эти субъективно-модальные показатели, соединенные с эмоциональным отношением говорящего к высказываемому содержанию, еще в глубинной структуре наслаиваются на основное побудительное значение перформативного глагола и способствуют специальному оформлению конструкции в поверхностной структуре. Напр. форма реализации *Будешь молчать!* в отличие от *Молчи!* вызвана, по мнению автора, субъективно-модальным показателем уверенности, убеждения говорящего в том, что приказ будет выполнен. Поэтому действие реализуется в поверхностной структуре как законченное в будущем. Этот субъективно-модальный показатель уверенности или убеждения, вместе с эмоциональным отношением говорящего к высказыванию, содержится во всех индикативных конструкциях побудительных предложений. Разница только в том, что говорящий может представлять себе действие не только как осуществленное в будущем, но и в прошлом (*Пошел вон!*), или как осуществляющееся в настоящем (*Каждый сидит и молчит!*). Если употреблена форма 1-го лица ед. числа индикатива (*Так уж сяду и молчу!*), прибавляется к уверенности и убеждению в выполнении приказа еще наглядность приказываемого действия. Что касается инфинитивных конструкций, то автор думает, что в них содержится субъективно-модальный показатель безличности вместе с эмоциональным отношением, выражающим строгость говорящего. Иногда субъективно-модальный по-

⁴ *Грамматика современного русского литературного языка*, АН СССР, Москва 1970, 545.

⁵ V. Grabě — P. Adamec., *Transformační syntax současné ruštiny I*, Praha 1970, 87.

казатель вместе с эмоциональным отношением говорящего к действию может проявляться лексико-синтаксически (напр. *Ты сиди!*, *Садись, по-жалуйста!*), повторением слов, применением видового различия и т. д.

Следовательно, нужно предполагать, что возникновение некоторых конструкций побудительных предложений обусловлено наличием в глубинной структуре только перформативного глагола, другие же побудительные предложения, которых встречается больше, содержат в глубинной структуре, помимо перформативного глагола, разные субъективно-модальные показатели, указывающие и эмоциональное отношение говорящего к приказываемому действию и наслаивающиеся на побудительную модальность перформативного глагола. Именно эти показатели и влияют на конкретное оформление предложения в поверхностной структуре. Однако, их содержание и количество до сих пор неясно. В трансформационной грамматике, прежде всего американской, приводились до сих пор в качестве примеров преимущественно только простые побуждения без вышеприведенных разных оттенков сопровождающих значений. Эта область ждет более детальной разработки.